

© Перевод постановления был предоставлен «Правовой инициативой по России» (www.srji.org). Перевод уже был опубликован в 2012 году на сайте этой организации (<http://www.srji.org/resources/search/182/>). Разрешение на публикацию перевода было дано исключительно для его включения в базу HUDOC Европейского Суда.

© This document was provided by the Stichting Russian Justice Initiative (www.srji.org/en/). This translation was published in 2011 on the website of SRJI. Permission to re-publish this translation has been granted for the sole purpose of its inclusion in the Court's database HUDOC.

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «ТАНГИЕВ ПРОТИВ РОССИИ»

(Жалоба №27610/05)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

11 декабря 2012 года

ВСТУПИЛО В СИЛУ
29 апреля 2013 года

Текст может быть дополнительно отредактирован.

В деле «Тангиев против России»,

Европейский суд по правам человека (Первая секция), Палатой в следующем составе:

Изабель Берро-Лефевр, *Президент*,

Элизабет Штейнер,

Нина Вайич,

Анатолий Ковлер,

Ханлар Хаджиев,

Мириана Лазарова Трайковска,

Юлия Лаффранке, *судьи*,

и Андре Вампах, *И.О. Секретаря Секции*

Заседая 20 ноября 2012 года за закрытыми дверями,

Вынес следующее постановление, принятое в последний вышеупомянутый день:

ПРОЦЕДУРА

1. Настоящее дело было инициировано жалобой (№27610/05) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со Статьей 34 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») гражданином Российской Федерации Тимуром Хаважиевичем Тангиевым (“заявитель”) 22 июня 2005 года.

2. Заявителя в Европейском Суде представляли юристы «Правовой инициативы по России» (далее - “SRJI”), неправительственной организации с главным офисом в Нидерландах и представительством в России. Правительство Российской Федерации (далее - “Правительство”) представлял г-н Г. Матюшкин, Представитель Российской Федерации в Европейском суде по правам человека.

3. Заявитель жаловался, в частности, на то, что он подвергался жестокому обращению во время содержания под стражей, что последовавшее за этим расследование было неэффективным, что обвинения против него были основаны на показаниях, полученных под принуждением, и что власти препятствовали его праву подать индивидуальную жалобу.

4. 30 сентября 2009 года жалоба была коммуницирована Правительству. Также Суд постановил рассмотреть жалобу по существу одновременно с рассмотрением вопроса ее приемлемости (в соответствии со Статьей 29 § 1).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявитель родился в 1977 году и в настоящее время отбывает наказание в колонии Владимирской области.

А. Арест заявителя и последовавшее задержание

6. 11 апреля 2003 года сотрудники милиции арестовали заявителя в его доме в присутствии членов его семьи. Согласно заявителю, в ходе ареста, сотрудники милиции избили его и тушили сигареты об его тело сигареты и спички.

7. Заявитель был доставлен в Старопромысловский РОВД на машине. Когда его допрашивал заместитель прокурора, заявитель признался, что присутствовал при убийстве двух сотрудников правоохранительных органов, что был причастен к угону автомобиля и хранил огнестрельное оружие. По всей видимости, в тот же день решение о задержании было санкционировано судьей Старопромысловского района г. Грозного.

8. В неустановленный день заявителю были предъявлены обвинения в нескольких убийствах, участии в деятельности незаконного вооруженного формирования, в незаконном хранении огнестрельного оружия, краже и угоне автомобиля.

9. В ходе допроса 12 апреля 2003 года в присутствии адвоката Ц. заявитель подтвердил свои показания от 11 апреля 2003 года. Согласно протоколу допроса, он подтвердил, что дал показания добровольно.

10. 14 апреля 2003 года заявителю завязали глаза и отвезли в изолятор временного содержания ОРБ-2 (Оперативно-розыскное бюро). Ночью он был доставлен в помещение на четвертом этаже. По словам заявителя, сотрудники милиции вынудили его встать на колени и приложили электрический шнур к его пальцам, пытая его электрическим током. Они также били заявителя резиновой дубинкой.

11. В тот же день заявителя допросили и он признался в убийстве А. и причастности к убийству братьев Хам. Адвокат Ц. присутствовал во время допроса. Заявитель подтвердил свои показания, когда его вновь допросили в присутствии этого же адвоката 21 апреля 2003 года.

12. Заявитель оставался в изоляторе временного содержания ОРБ-2 в течение двух месяцев. Он неоднократно подвергался жестокому обращению со стороны тех же сотрудников милиции. В неустановленный день заявитель подписал признательное признание.

13. Мать заявителя, которой было разрешено встретиться с ним в начале июня 2003 года, дала письменное заявление о том, что она видела гнойные раны на затылке заявителя.

14. 20 июня 2003 года заявитель был переведен в следственный изолятор №ИЗ-20/1 в г. Грозном. Он был осмотрен врачом, который отметил в амбулаторной карте, что у заявителя имелись следы побоев на затылке и три следа от ожогов сигарет на теле. Кроме того, как следует из медицинского освидетельствования, подписанного 20 июня 2003 года двумя медработниками следственного изолятора и сотрудником ОРБ-2, заявитель прибыл в следственный изолятор "со следующими повреждениями, полученными в результате жестокого обращения: (1) следы ожогов сигарет (несколько); (2) [повреждения] на волосяной части затылка".

15. Мать заявителя посетил его еще раз 21 или 22 июня 2003 года. В своем заявлении в суд она указала, что все его тело было покрыто синяками

и у него имелись многочисленные следы ожогов и ран на голове.

16. 11 октября 2003 года заявитель был снова переведен изолятор временного содержания Старопромысловского РОВД. В тот же день он предстал перед судьей. Он отказался от своего признания, жаловался на жестокое обращение и попросил другого адвоката.

17. По словам заявителя, в 22 часа 12 октября 2003 года его забрали из камеры в комнату допроса в ИВС. Сотрудники милиции надели ему на руки наручники, на голову надели полиэтиленовый пакет и начали избивать и пытаться его электрическим током. Они сказали ему, что он не должен отказываться от своего признания, и что в будущем он всегда должен подтверждать свои признательные показания и высказывать раскаяние в содеянном. После того, как заявитель вернулся в свою камеру, он совершил безрезультатную попытку покончить жизнь самоубийством, перерезав вены на левой руке.

18. 23 октября 2003 года заявитель был осмотрен врачом следственного изолятора, который установил, что у него обнаружено несколько рубцов и ссадин на левом предплечье.

19. 10 января 2004 года во время допроса, проходившего в присутствии адвоката Б., заявитель принял решение молчать.

В. Судебный процесс и апелляция

20. В ходе судебного разбирательства интересы заявителя представляли два адвоката. Он отказался от своего признания и заявил, что дал признательное показание под пытками. Он обратился к судье с заявлением, что его арест и содержание под стражей в ОРБ-2 было незаконным, что он неоднократно подвергался жестокому обращению и запугиванию и в итоге его вынудили признаться. Он заявил, что не признает себя виновным.

21. 5 октября 2004 года Верховный суд Чеченской Республики признал заявителя виновным по всем пунктам обвинения и приговорил его к 24 годам лишения свободы. Решение суда основывалось на признательном показании заявителя, признаниях других подсудимых, свидетельских показаниях, данных в ходе следствия и в суде, и отчетах баллистической экспертизы, согласно которым жертвы были убиты из оружия, найденного в доме заявителя.

22. В ответ на утверждения заявителя об имевшем место жестоком обращении и вынужденном признании, суд сослался на постановление прокуратуры от 11 мая 2004 года (см. пункт 27 далее). Он рассмотрел выводы прокуратуры и нашел их правильными. В частности, суд согласился с прокурором, что медицинская экспертиза не подтвердила факты жестокого обращения и что свидетельские показания были неубедительными. Свидетели не видели избиения как такового и не смогли назвать сотрудников милиции, которые предположительно жестоко обращались с заявителем. Тем не менее, заявитель опроверг эти утверждения, сообщив, что, по крайней мере, один из свидетелей, Влад., видел заявителя до его ареста. Несмотря на это суд сослался на медицинскую справку от 22 апреля 2003 года, согласно

которой у заявителя не было травм. Наконец, он указал, что заявителю на протяжении всего расследования помогал адвокат. И, таким образом, суд пришел к выводу, что постановление прокуратуры от 11 мая 2004 года было законным, хорошо обоснованным и оправданным.

23. Заявитель обжаловал это решение. Он утверждал, в частности, что дал свои признательные показания под принуждением. Он был незаконно доставлен в ОРБ-2, где его подвергли жестокому обращению и заставили признаться. Расследование прокуратуры по его жалобе на жестокое обращение не было ни адекватным, ни эффективным.

24. 8 июня 2005 года Верховный суд Российской Федерации в ходе апелляции оставил в силе приговор и сократил до двадцати трех лет и десяти месяцев срок лишения свободы. В отношении жалоб на жестокое обращение суд указал на отсутствие доказательств того, что заявитель дал признательное показание под давлением.

С. Официальное расследование заявленного жестокого обращения

25. В ходе судебного разбирательства адвокат заявителя обращался к суду с жалобами на то, что заявитель подвергался жестокому обращению в ходе ареста и во время его содержания под стражей в милиции. Суд обязал прокуратуру провести расследование в отношении жалоб заявителя.

26. Прокуратура Старопромысловского района города Грозный провела расследование. Прокурор допросил заявителя, других подсудимых и содержащихся под стражей людей, а также предполагаемых преступников.

27. 11 мая 2004 года прокуратура вынесла постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по жалобам заявителя на жестокое обращение, так как они не были обоснованными. Следователь и прокуратура обобщили результаты проведенного расследования, из которого следует:

В ходе проверки установлено следующее:

Опрошенный [заявитель] пояснил, что 11 апреля 2003 года он был задержан в Старопромысловском районе г. Грозного. В ходе задержания его избили, тушили на нем сигареты, спички. После этого его отвезли в Старопромысловский РОВД г. Грозного. Через несколько дней, надев на него спортивную шапку, его отвезли в ОРБ-2 СКОУ ГУ МВД РФ по ЮФО посадили в камеру №4. В ту же ночь сотрудники ОРБ-2 подняли его на четвертый этаж и завели в кабинет. Там его поставили на колени, подсоединили к пальцам рук два провода идущих от телефонного аппарата и пытали током, при этом избивали резиновой дубинкой. пытки продолжались каждый день и ночь с перерывом на непродолжительное время. От этих пыток на затылочной части головы у него остался шрам. 13-14 октября 2004 года его избили в Старопромысловском РОВД г. Грозного за то, что он отказался от дачи показаний. Его избивали Бис.Р. и Хас.Р. - сотрудники ТОМ «Катаяма» Старопромысловского РОВД, Жаб.А. и С.Алис. - оперуполномоченные ОРБ- 2. Факт избивания могут подтвердить Сул. В.А. и Хад Р.Р.

Опрошенный Ч.М.С-Э. пояснил, что... по факту применения физического насилия к [заявителю]. ему ничего не известно. Когда он видел в ОРБ [заявителя] на нем не было следов избивания, выглядел он вполне нормально. Но через стенку соседней камеры [заявитель] жаловался, говорил, что его избивали.

...

Опрошенный Влад. М.А. пояснил, что примерно в начале мая 2003 года он был задержан сотрудниками ОРБ-2 СКОУ ГУ МВД РФ по ЮФО и содержался в ИВС ОРБ-2, в камере № 4. Ночью того дня в камеру был заведен [заявитель], у которого на лице были кровоподтеки. Также он пояснил, что за время его нахождения в ИВС ОРБ-2, [заявителя] выводили на допросы в ночное время. Людей выводивших и заводивших [заявителя] он не видел... Последний раз [заявителя]... он видел в СИЗО г. Грозного, он был в хорошем состоянии. О применении физического насилия в отношении [заявителя] при проведении предварительного расследования он знает только со слов самого [заявителя].

Опрошенный Сул.В.А., пояснил, что он был задержан сотрудниками ОРБ-2 в марте 2003 года, и находился в ИВС. В середине апреля 2003 года к нему в камеру поместили заявителя, который был сильно избит. Также он видел на его голове, а на его груди были красные пятна. Также опрошенный Сул.В.А., пояснил, что сам лично не был свидетелем избиения заявителя, но он видел его после побоев.

...

Опрошенный Хад. Р. пояснил, что он содержался в ИВС ОРБ-2. В середине апреля 2003 года он услышал от работника ОРБ фамилию «Тангиев», в тот момент окно на двери, предназначенное для передачи пищи было открыто. Выглянув через это окно, он увидел [заявителя], которого раздевали дежурные перед тем как поместить в ИВС, и он увидел на спине заявителя синяки темно-синего цвета.

...

Заместитель начальника ИВС ОВД Старопромысловского района г. Грозного Т.А.З. показал, что 11 октября 2003 года при поступлении в ИВС [заявитель] был осмотрен врачом и в ходе осмотра [заявитель] никаких жалоб на здоровье не заявлял. За время содержания [заявителя] в ИВС в ночное время его никто не выводил. Работа с подследственными после 22 часов запрещена приказом № 41 МВД РФ от 1996 года. Во время содержания в ИВС [заявитель] порезал себе вены, и ему была оказана медицинская помощь.

Опрошенный командир отделения СОВ ОВД Старопромысловского района г. Грозного Бис. Р.У. пояснил, что 11 апреля 2003 года во время задержания [заявителя] в пос. Катаяма, он со своим отделением стоял в оцеплении по периметру возможных путей отхода, непосредственное участие в задержании принимали сотрудники уголовного розыска Старопромысловского РОВД. Когда... он зашел в дом, где в коридоре увидел стоящего около стены с поднятыми руками [заявителя], который увидел его лицо и узнал, так как ранее они были знакомы... После этого он его больше не видел, никакого физического насилия по отношению к [заявителю] он не применял.

Оперуполномоченный Старопромысловского района Хас.Р. показал, что в апреле 2003 года в пос. Катаяма проводилось задержание лидера и организатора преступной группы [заявителя] и что... непосредственного участия в задержании [заявителя] он не принимал. Кто именно его задерживал, он не знает, физическое давление на [заявителя] он не оказывал, оперативную работу с ним не проводил. Доводы [заявителя] о том, что он тушил сигарету на его теле не обоснованны, так как он не мог это сделать, потому что его не было при задержании...

В своих объяснениях оперуполномоченные по ОВД ОРБ-2 СКОУ ГУ МВД РФ по ЮФО Жаб.А.С. и Алис. С.Э. пояснили, что при задержании заявитель пытался оказать сопротивление и скрыться, вследствие чего была применена физическая сила, кто именно применял физическую силу им не известно, на протяжении всего предварительного следствия и в период содержания [заявителя] в ИВС ОРБ-2, физического и

психологического воздействия на [заявителя] не оказывалось. Все показания [заявитель] давал добровольно. Благодаря полученной информации от [заявителя] были добыты доказательства в отношении других участников этой преступной группы...

...
В своем объяснении начальник дежурной части ОРБ-2 подполковник милиции Ш. Б. П. пояснил, что в отношении содержащихся в ИВС ОРБ-2 какого-либо физического и психологического насилия не применяется. Также он пояснил, что камеры ИВС оборудованы металлическими дверями, в середине которых имеются окошки для передачи пищи. Эти окошки после передачи пищи постоянно закрыты. В обязательном порядке они закрываются, когда в ИВС заводится кто-либо из задержанных или арестованных. Это делается, чтобы исключить визуальный обзор и переговоры между задержанными и арестованными. В коридоре постоянно работает радиоприемник. Он включен на полную громкость, чтобы радиотрансляции были слышны в камерах и арестованные не могли слышать разговоров в коридоре ИВС.

...
Опрошенный Ул.Р.Х., состоящий в должности командира роты ППС Старопромысловского РОВД г. Грозного пояснил, что он, совместно с другими сотрудниками милиции, участвовал при задержании [заявителя]. У них имелась оперативная информация о причастности [заявителя], к убийству братьев Хам., а так же о том, что он вооружен. При проведении операции по задержанию [заявитель] находился у себя дома, сидел на полу и принимал пищу. При появлении сотрудников милиции [заявитель] бросился к кровати и хотел достать пистолет, спрятанный под подушкой. В этой ситуации, с целью обезвреживания и задержания [заявителя], он вынужден был применить против него физическую силу и приемы боевого самбо. Когда [заявителя] выводили из дома, для того, чтобы он не смог предпринять побег, ему на голову была натянута его майка. На теле [заявителя] в районе груди и живота он заметил небольшие шрамы. После задержания в отношении заявителя физическое насилие не применялось. Заявитель просил, чтобы его отпустили на свободу, он обещал помогать сотрудникам милиции, хотел дать информацию обо всех членах банды, которых он непосредственно знает.

...
Согласно записям журнала медицинского осмотра лиц содержащихся в ИВС Старопромысловского РОВД кроме жалоб на сухой кашель [заявитель] не высказывал...

...
Согласно заключению эксперта № 399 от 5 мая 2004 года, рубцы, имеющиеся на теле [заявителя], не несут никакой информации о механизме травмы, т.к. раны заживали вторичным натяжением (раны были инфицированы). Каких либо судебно-медицинских данных о том, что эти повреждения (рубцы являются следствием воздействия электричества, не имеется. Обширный рубец на передней поверхности средней трети правого предплечья мог являться следствием заживления раны после удаления жировика. Множественные, линейной формы параллельно расположенные в поперечном направлении рубцы на передней поверхности левого предплечья являются следствием заживления ран причиненных режущим предметом. Анатомическая локализация имеющихся рубцов не исключает возможности причинения телесных повреждений собственной рукой.

...
Влад., Хад. и Сул. являлись обвиняемыми по другим уголовным делам. Их заявления о том, что они видели, как применялось физическое насилие к заявителю, полностью опровергаются собранными в ходе проверки доказательствами.

Так, согласно справке из ОРБ-2, Сул. находился в ИВС с 25.07.03 по 05.08.03 г. и не мог встречаться с заявителем, который содержался в ИВС ОРБ-2 с 16.04.03 г. по 20.06.03...

Хад. не мог слышать фамилию «Тангиев» из коридора ИВС, из-за постоянно работающего радиоприемника, а тем более видеть [заявителя] из камеры, так как при доставлении задержанного в ИВС окошки для приема пищи находятся в закрытом состоянии.

Из показаний Влад. следует, что о применении физического насилия к [заявителю] он знает со слов самого [заявителя].

Эти заявления Влад., Хад. и Сул. следует расценивать, как желание оговорить сотрудников правоохранительных органов с целью помочь заявителю избежать уголовной ответственности за совершенные ими преступления.

Таким образом, в ходе проведенной проверки, установлено, что к заявителю была применена физическая сила только при его задержании, так как тот пытался оказать сопротивление и скрыться. Действия сотрудников милиции по применению физической силы являются правомерными... Превышение необходимых для этого мер сотрудниками милиции допущено не было.

Вместе с тем, утверждения подсудимых [заявителя]... о незаконных методах ведения следствия своего объективного подтверждения не нашло.

Указанные выше заявления [заявителя]... следует расценивать, как способ защиты с целью введения в заблуждение правосудия и избежание уголовной ответственности за инкриминируемые деяния».

28. 16 июля 2004 года заявитель обратился в Старопромысловский районный суд г. Грозный с жалобой, в которой оспаривал постановление прокуратуры от 11 апреля 2004 года. Согласно Правительству, жалоба была подана двумя адвокатами, представлявшими интересы заявителя. 20 июля 2004 года указанная жалоба была возвращена без рассмотрения в виду ненадлежащего оформления и отсутствия подписи адвоката Д. По словам заявителя, ни он, ни его адвокат не были проинформированы о рассмотрении дела соответствующим образом и никакая жалоба им не была возвращена.

Д. Развитие дела после коммуникации жалобы Правительству

29. Согласно заявителю, 7 февраля 2010 года его мать была вызвана на допрос в прокуратуру Грозного. Сотрудник учреждения якобы угрожал ей в связи с тем, что заявитель подал жалобу в Европейский суд. Он предположительно сказал, что заявитель написал слишком много жалоб в суд и что это может привести к серьезным проблемам.

30. 8 февраля 2010 года дом, в котором временно жила семья заявителя, был подожжен.

31. В ходе официального расследования инцидента было установлено, что возгорание произошло в результате неисправности системы газового отопления. Вероятность поджога была исключена.

32. 17 февраля 2010 года прокуратура вынесла постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по данному факту. 12 апреля 2010 года это постановление отменили, и было возобновлено расследование в связи с жалобой матери заявителя на то, что ей угрожали сотрудники

прокуратуры. Стороны не сообщили суду о результатах этого расследования и не представили копии соответствующих решений.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

33. Статья 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации устанавливает процедуру возобновления производства по уголовному делу и в соответствующих частях гласит:

1. Вступившие в законную силу приговор, определение и постановление суда могут быть отменены и производство по уголовному делу возобновлено ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

...

4. Новыми обстоятельствами являются:

...

2) установленное Европейским Судом по правам человека нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом Российской Федерации уголовного дела, связанное с:

а) применением федерального закона, не соответствующего положениям Конвенции о защите прав человека и основных свобод;

б) иными нарушениями положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод;

3) иные новые обстоятельства.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

34. Заявитель жаловался, что в заключении он подвергся жестокому обращению, и что последовавшее расследование было неэффективным в нарушение статьи 3 Конвенции, которая гласит:

“Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию.”

A. Приемлемость

35. Государство-ответчик утверждало, что заявитель не исчерпал внутренние средства правовой защиты, так как он не обжаловал в суд отказ прокурора в возбуждении уголовного дела. По их мнению, заявитель, интересы которого представляли два юриста, специализирующиеся на

работе по уголовным делам, решил в качестве элемента стратегии защиты по делу не обжаловать указанное постановление прокурора.

36. Заявитель утверждал, что он исчерпал внутренние средства правовой защиты, так как в действительности он обжаловал постановление прокурора от 11 мая 2004 г. Однако он так и не был уведомлен о результате рассмотрения. Он также отметил, что утверждения государства-ответчика о том, что 20 июля 2004 г. его жалоба была отклонена без рассмотрения по существу, не подтверждены доказательствами. Государство-ответчик не представило копию соответствующего решения.

37. Суд напоминает, что в более ранних делах он приходил к выводу о том, что в российской правовой системе право суда отменить постановление об отказе в возбуждении уголовного дела является важной мерой защиты от произвольного использования следственными органами своих полномочий (см. *Трубников против России* (решение), № 9790/99, 14 октября 2003 г.).

38. Суд далее отмечает, что заявитель действительно обжаловал постановление прокурора от 11 мая 2004 г. Суд также принимает во внимание тот факт, что государство-ответчик не представило доказательств своего утверждения о том, что жалоба была оставлена без рассмотрения по существу в связи с несоблюдением заявителем некоторых процессуальных требований. Однако Суду нет необходимости устанавливать достоверность утверждений сторон в по этому вопросу, так как жалоба заявителя была, тем не менее, изучена судами первой и кассационной инстанции. [при рассмотрении дела заявителя по существу – *прим. переводчика*] Они изучили суть жалобы заявителя, проверили выводы прокурора, изложенные в постановлении от 11 мая 2004 г., допросили заявителя и пришли к выводу, что нет оснований для привлечения [сотрудников милиции] к ответственности.

39. В этом отношении Суд напоминает, что заявитель не несет негативных последствий неисчерпания внутригосударственных средств защиты в том случае, если, несмотря на несоблюдение им предписанных законом процессуальных требований, компетентные органы все же рассмотрели его жалобу по существу (см., *mutatis mutandis*, *Джавадов против России*, №. 30160/04, § 27, 27 сентября 2007 г.; *Скалка против Польши* (решение), №. 43425/98, 3 октября 2002 г.; *Бессарабская митрополия и другие против Молдовы* (решение), №. 45701/99, 7 июня 2001 г.; и *Эдельмаер против Австрии* (решение), №. 33979/96, 21 марта 2000 г.) С учетом конкретных обстоятельств настоящего дела Суд приходит к выводу о том, что, озвучив жалобу на жестокое обращение в ходе рассмотрения его дела по существу в судах первой и кассационной инстанции, заявитель предоставил национальным властям возможность исправить предполагаемое нарушение.

40. Следовательно, нельзя утверждать, что заявитель не исчерпал внутригосударственные средства правовой защиты из-за того, что он не обратился в суд с отдельной жалобой на постановление прокуратуры от 11 мая 2004 г. Таким образом, возражение государства ответчика о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты должно быть отклонено.

41. Суд также отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу п.п. "а", п. 3 ст. 35 Конвенции. Он также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Таким образом, она должна быть признана приемлемой.

В. Существо дела

1. Доводы сторон

42. Заявитель утверждал, что во время содержания под стражей агенты государства применяли к нему пытки с тем, чтобы заставить его признаться в совершении преступлений, в которых он обвинялся. Он также полагал, что расследование по его жалобам не соответствовало стандартам статьи 3 Конвенции.

43. Государство-ответчик оспаривало утверждения заявителя о жестоком обращении и указывало на их необоснованность, ссылаясь на выводы проверки, проведенной прокурором по жалобе заявителя. Государство-ответчик утверждало, что расследование было эффективным, тщательным, быстрым и независимым.

2. Оценка Суда

(а) Общие принципы

(i) Предполагаемое жестокое обращение

44. Суд напоминает, что жалобы на жестокое обращение должны подкрепляться соответствующими доказательствами. Для оценки таких доказательств Суд применяет стандарт доказывания "вне разумного сомнения", но добавляет, что достижение такого стандарта доказывания может являться следствием сосуществования достаточно сильных, ясных и согласующихся друг с другом выводов из имеющихся фактов либо схожих неопровергнутых презумпций относительно фактов (см. *Лабита против Италии* [Большая Палата], № 26772/95, § 121, ECHR 2000-IV).

45. Если человек утверждает, что он получил повреждения в результате жестокого обращения в заключении, государство-ответчик обязано предоставить полное и достаточное объяснение того, как эти повреждения были получены (см. *Рибич против Австрии*, 4 декабря 1995 г., § 34, Серии А № 336).

46. Для того чтобы попасть под действие статьи 3 Конвенции, жестокое обращение должно достичь минимального уровня жестокости. Оценка данного уровня относительна - она зависит от всех обстоятельств дела, таких как продолжительность обращения, его физическое и психическое воздействие и, в некоторых случаях, пол, возраст и состояние здоровья жертвы. Применение в отношении лица, лишенного свободы, силы, которая не была абсолютно необходимой в виду его собственного поведения, унижает человеческое достоинство и в принципе нарушает право,

закрепленное в статье 3 (см. *Ассенов и другие против Болгарии*, 28 октября 1998 г., § 94, *Reports of Judgments and Decisions* 1998-VIII).

(ii) *Расследование заявлений о жестоком обращении*

47. Суд напоминает, что если лицо обращается с обоснованной жалобой на серьезное неправомерное жестокое обращение со стороны полиции или других органов государственной власти, нарушающее статью 3, эта норма, рассматриваемая в сочетании с общей обязанностью государства в соответствии со статьей 1 Конвенции "обеспечить каждому человеку, находящемуся под его юрисдикцией, права и свободы, определенные в ... Конвенции", предполагает обязанность проведения эффективного официального расследования. Такое расследование должно потенциально содержать возможность установления и наказания виновных (см. *Ассенов и другие*, цит. выше, § 102).

48. Обязательство по проведению расследования касается "не результата, а используемых средств": не каждое расследование должно обязательно завершиться успешно или привести к результату, совпадающему с версией событий, предложенной заявителем; однако оно в принципе должно быть способно привести к установлению фактических обстоятельств дела и, если утверждения соответствуют действительности, к установлению личности виновных и их наказанию (см. *Пол и Одри Эдвардз против Соединенного Королевства*, № 46477/99, § 71, ECHR 2002-II, и *Махмут Кайя против Турции*, № 22535/93, § 124, ECHR 2000-III).

49. Расследование серьезных утверждений о жестоком обращении должно быть тщательным. Это означает, что власти должны всегда со всей серьезностью пытаться выяснить обстоятельства произошедшего, и не должны полагаться на поспешные и необоснованные выводы для того, чтобы закончить расследование или вынести решение (см. *Ассенов и другие*, цит. выше, §§ 103 et seq.). Они должны предпринимать все доступные им разумные меры для сбора доказательств по делу, включая, помимо прочего, показания свидетелей и экспертные данные (см., *mutatis mutandis*, *Салман против Турции* [Большая Палата], № 1986/93, § 106, ECHR 2000-VII; *Танрыкуду против Турции* [Большая Палата], № 23763/94, §§ 104 et seq., ECHR 1999-IV; и *Гюль против Турции*, №. 22676/93, § 89, 14 декабря 2000 г.). Любой недостаток расследования, который подрывает его возможность установить причину телесных повреждений или личность виновных, влечет за собой риск несоблюдения данного принципа.

50. Кроме того, расследование должно быть оперативным. В делах, поднимающих вопрос эффективности расследования по статьям 2 и 3 Конвенции, Суду часто приходилось проверять, достаточно ли быстро власти среагировали на жалобы (см. *Лабита*, цит. выше, §§ 133 et seq.). Рассматривались вопросы о том, когда было начато расследование, были ли задержки в получении показаний (см. *Тимурташ против Турции*, № 23531/94, § 89, ECHR 2000-VI, и *Текин против Турции*, 9 июня 1998 г., § 67, *Reports* 1998-IV), а также какое время потребовалось для проведения предварительного расследования (см. *Инделикато против Италии*, № 31143/96, § 37, 18 октября 2001 г.).

(b) Применение данных принципов к настоящему делу

(i) Предполагаемое жестокое обращение

51. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд отмечает, что стороны не оспаривают тот факт, заявитель получил телесные повреждения, находясь под стражей. Соответственно, государство-ответчик было обязано представить правдоподобное объяснение того, как были причинены эти телесные повреждения.

52. Суд принимает объяснение государства-ответчика о происхождении шрамов на левом предплечье заявителя. Заявитель не оспаривал тот факт, что он порезал себе запястья 12 октября 2003 г. Что касается остальных телесных повреждений (см. пункт 14 выше), Суд отмечает, что государство-ответчик, не вдаваясь в детали, просто повторило выводы национальных властей о том, что заявитель получил повреждения в ходе задержания, и что сотрудники полиции были вынуждены применить к нему силу, так как он сопротивлялся задержанию.

53. Суд находит это объяснение неубедительным. Он полагает, что выводы национальных властей не содержат каких-либо конкретных подробностей и не объясняют, почему сотрудникам полиции было необходимо нанести заявителю травму головы для того, чтобы преодолеть его предполагаемое сопротивление задержанию и предотвратить побег. Также не было представлено объяснений о происхождении ожогов от сигарет на теле заявителя. Что касается следов других повреждений, обнаруженных на теле заявителя, эксперт-медик не смог установить их происхождение. Заявитель же, напротив, представил непротиворечивое и подробное описание обстоятельств жестокого обращения с ним, соответствующее характеру и локализации зафиксированных телесных повреждений.

54. В связи с изложенными обстоятельствами Суд полагает, что даже если заявитель сопротивлялся задержанию, государство-ответчик представило неполное и, следовательно, недостаточное объяснение обстоятельств появления телесных повреждений.

55. На основании всех представленных материалов Суд приходит к выводу о том, что государство-ответчик не доказало должным образом, что телесные повреждения были получены заявителем (полностью, в основном или частично) иначе, чем в результате обращения, которому он подвергся в заключении.

56. Заявитель утверждал, что обращение, которому он подвергся, являлось пыткой. Государство-ответчик не представило каких-либо комментариев в этом отношении. Суд отмечает, что заявителю были нанесены травмы головы, которые затем были инфицированы. Его тело прижигали сигаретами и спичками. Такое обращение должно было вызвать у него сильные психологические и физические страдания. Кроме того, применение силы предположительно было направлено на то, чтобы унижить заявителя, заставить его подчиниться и признаться в совершении преступлений. Поэтому Суд приходит к выводу, что обращение, которому подвергся заявитель, было достаточно серьезным для того, чтобы быть

квалифицированным в качестве пытки.

57. Соответственно, имело место нарушение статьи 3 Конвенции в материальном аспекте.

(ii) Адекватность расследования

58. Суд отмечает, что российские власти провели проверку утверждений заявителя. Однако он не убежден, что данная проверка была достаточно своевременной, тщательной и эффективной для того, чтобы соответствовать требованиям статьи 3 Конвенции.

59. Суд отмечает, что документы, представленные государством-ответчиком, указывают на значительное количество упущений в ходе проверки.

60. По-видимому, администрации следственного изолятора, в который заявитель был доставлен через примерно девять дней после задержания, было известно, что у заявителя имелись серьезные телесные повреждения (см. пункт 14 выше). Однако они не предприняли в связи с этим никаких действий. Только год спустя прокуратура провела официальную проверку по фактам применения к заявителю насилия. Соответственно, Суд полагает, что попытка властей прояснить обстоятельства задержания заявителя и его содержания под стражей была предпринята слишком поздно.

61. В отношении объема произведенной проверки Суд отмечает, что прокурор не принял во внимание медицинскую документацию, предоставленную администрацией следственного изолятора и подтверждающую сообщения заявителя о жестоком обращении. Он также не допросил медицинский персонал следственного изолятора и родственников заявителя, которые присутствовали при его задержании. Судебно-медицинская экспертиза телесных повреждений заявителя была проведена только через год после рассматриваемых событий, когда ценное время уже было потеряно и невозможно было установить причину возникновения и происхождение телесных повреждений заявителя.

62. В заключение, Суд отмечает, что последовавшее судебное разбирательство не исправило недостатков прокурорской проверки. Суд лишь подтвердил выводы прокурора, не устранив упущений проверки.

63. С учетом изложенного выше Суд приходит к выводу, что власти не провели эффективного расследования утверждений заявителя о жестоком обращении. Соответственно, имело место нарушение статьи 3 Конвенции в ее процессуальном аспекте.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

64. Заявитель жаловался, что расследование его утверждений о жестоком обращении было неэффективным в нарушение статьи 13 Конвенции, которая гласит:

“Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве”.

65. Суд отмечает, что эта жалоба касается вопросов, которые уже были рассмотрены выше в рамках процессуальной составляющей статьи 3 Конвенции (см. пункты 58-63 выше), и, соответственно, должна быть признана приемлемой. Однако, учитывая выводы в рамках статьи 3 Конвенции, Суд не считает необходимым отдельно рассматривать эти вопросы в связи со статьей 13 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

66. Ссылаясь на статью 6 Конвенции, заявитель жаловался, что уголовное разбирательство в отношении него не было справедливым. В частности, он утверждал, что национальные суды нарушили его право не свидетельствовать против самого себя и приняли во внимание его показания, данные под давлением; что суд первой инстанции не дал ему возможность допросить ряд свидетелей; что защитник, представлявший его интересы на стадии расследования, был назначен ему вопреки его воле; что ему не было предоставлено достаточного времени для ознакомления с материалами дела; и что суд первой инстанции был пристрастным. Пункт 1 статьи 6 в соответствующей части гласит:

“Каждый ... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое ...разбирательство дела ... судом...”

A. Приемлемость

67. Суд отмечает, что эта часть жалобы не является явно необоснованной по смыслу п.п. (а) п. 3 ст. 35 Конвенции. Он также отмечает, что она не является неприемлемой по какому-либо иному основанию. Соответственно, она должна быть признана приемлемой.

B. Существо дела

1. Доводы сторон

68. Государство-ответчик сочло утверждения заявителя необоснованными. Они указали, что перед каждым допросом заявителю разъяснялось право не свидетельствовать против себя. Защитник заявителя присутствовал на всех допросах кроме одного. Каждый раз заявитель говорил, что дает показания по своей воле, а один раз он отказался от дачи показаний.

69. Заявитель поддержал свою жалобу. Он утверждал, что ему не разъяснялось право не свидетельствовать против себя в день задержания, и что все его признания, показания и заявления были получены под пытками.

2. Оценка Суда

70. Суд отмечает, что в изначальной жалобе и в последующем меморандуме заявитель утверждал, что уголовное разбирательство в

отношении него было несправедливым в связи с рядом нарушений статьи 6 Конвенции (см. пункта 66 выше). Рассмотрев материалы, находящиеся в его распоряжении, Суд не считает необходимым рассматривать каждый из аспектов нарушения; Суд сконцентрирует свое внимание на утверждении заявителя о том, что национальные суды, признавая его виновным, приняли во внимание признательные показания, полученные под давлением.

71. В этом отношении Суд напоминает, что в принципе в задачи Суда не входит определение того, является ли конкретный вид доказательства (например, доказательства, полученные с нарушением национального законодательства) допустимыми. Вопрос, на который необходимо найти ответ, состоит в том, было ли разбирательство справедливым в целом, включая способ получения доказательств. Это предполагает рассмотрение упомянутых нарушений законодательства, а в случаях, когда имеет место нарушение другого конвенционного права, - рассмотрение характера данного нарушения (см., среди прочего, *Гафген против Германии* [Большая Палата], № 22978/05, § 162, ECHR 2010).

72. Кроме того, особые нормы применяются в отношении использования в ходе уголовного разбирательства доказательств, полученных в нарушение статьи 3. Использование таких доказательств, полученных в нарушение одного из основополагающих и абсолютных прав, гарантированных Конвенцией, всегда поднимает серьезные вопросы, касающиеся справедливости разбирательства, даже если ссылка на такие доказательства не была решающей для обоснования обвинительного приговора (см. *Гафген*, цит. выше, § 165).

73. В предыдущих делах, касавшихся таких признательных показаний, Суд приходил к выводу, что принятие к рассмотрению в качестве доказательств показаний, полученных под пытками (ср. *Орс и другие против Турции*, № 46213/99, § 60, 20 июня 2006 г.; *Харутюнян против Армении*, № 36549/03, §§ 63, 64 и 66, ECHR 2007-III; и *Левинца против Молдовы*, № 17332/03, §§ 101 и 104-05, 16 декабря 2008 г.) или с применением других форм жесткого обращения в нарушение статьи 3 Конвенции (ср. *Сойлемез против Турции*, № 46661/99, §§ 107 и 122-24, 21 сентября 2006 г.), для установления обстоятельств по уголовному делу сделало все разбирательство в целом несправедливым. Этот вывод применялся вне зависимости от доказательственного веса показаний, а также вне зависимости от того, было ли их использование решающим для постановления обвинительного приговора (там же).

74. Суд отмечает, что в настоящем деле признательные показания заявителя, данные им после задержания и помещения под стражу, были частью доказательственной базы против него. Суды первой и кассационной инстанций не признали данные показания недопустимыми доказательствами и сослались на них, признавая заявителя виновным и назначая ему наказание.

75. Суд также отмечает, что он уже установил, что заявитель был подвергнут пыткам в ходе задержания и в заключении, то есть в то же время, когда он допрашивался и давал показания о совершении преступлений, обвинение в которых ему впоследствии было предъявлено (см. пункты 51-57

выше).

76. В таких обстоятельствах Суд считает необедительными доводы государства-ответчика о том, что заявитель дал признательные показания добровольно, так как в ходе допроса ему оказывал помощь защитник, и ему разъяснялось право не свидетельствовать против себя. Суд приходит к выводу, что вне зависимости от влияния, которое показания заявителя, полученные под пыткой, оказали на исход уголовного разбирательства в отношении него, использование таких доказательств сделало уголовное разбирательство несправедливым. Соответственно, имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.

IV. УТВЕРЖДЕНИЯ О ВОСПРЕПЯТСТВОВАНИИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ПРАВА НА ОБРАЩЕНИЕ С ИНДИВИДУЛЬНОЙ ЖАЛОБОЙ, ГАРАНТИРОВАННОМУ СТАТЬЕЙ 34 КОНВЕНЦИИ

77. Заявитель утверждал, что после коммуникации его жалоб по статьям 3, 6 и 13 Конвенции его семья подверглась преследованиям со стороны российских властей. В частности, 7 февраля 2010 г. сотрудник прокуратуры г. Грозного угрожал его матери, а 8 февраля 2010 г. кто-то поджег дом, в котором проживала его семья. Суд рассмотрит эту жалобу с точки зрения права на обращение с индивидуальной жалобой, гарантированного статьей 34 Конвенции, которая гласит:

“Суд может принимать жалобы от любого физического лица, ... котор[ое] утверждает, что явил[ось] жертв[ой] нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон [его] прав, признанных в настоящей Конвенции или в Протоколах к ней. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права”.

78. Государство-ответчик сочло утверждения заявителя необоснованными. В ответ представители заявителя представили письмо от его матери, в котором она соглашалась, что пожар не был вызван поджогом.

79. Суд напоминает, что право на обращение с индивидуальной жалобой по статье 34 Конвенции может осуществляться эффективно только в том случае, когда заявитель может обращаться к Суду свободно, без какого-либо давления со стороны властей, направленного на то, чтобы он отозвал или изменил свою жалобу (см. *Акдивар и другие против Турции*, № 21893/93, § 105, ECHR 1996-IV). Выражение "без какого-либо давления" предполагает не только прямое принуждение или явное запугивание заявителей или их юридических представителей, но также и косвенные действия или контакты, имеющие целью разубедить их или помешать им в том, чтобы воспользоваться средством защиты, предусмотренным Конвенцией, или оказать "охлаждающий эффект" на реализацию заявителями или их представителями права на обращение с индивидуальной жалобой (см. *Федотова против России*, № 73225/01, §§ 48-51, 13 апреля 2006 г.; *МакШэйн против Соединенного Королевства*, № 43290/98, § 151, 28 мая 2002; и *Танрыкулу*, цит. выше, § 130).

80. Суд отмечает, что государство-ответчик не предоставило информации о ходе расследования предполагаемого поджога, которое было возобновлено

в 2010 году в связи с показаниями, данными матерью заявителя в прокуратуре. В обстоятельствах данного дела Суд не находит достаточных доказательств, чтобы сделать вывод о том, что в ходе разбирательства дела в Суде на заявителя или его семью оказывалось какое-либо давление или в отношении них использовалась какая-либо иная форма принуждения.

81. Соответственно, Суд не может заключить, что государство-ответчик нарушило свои обязательства, содержащиеся в статье 34 Конвенции. Таким образом, он приходит к выводу, что не имело место вмешательство в право заявителя на обращение с индивидуальной жалобой.

V. ДРУГИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

82. Наконец, заявитель жаловался, что его содержание под стражей с 11 апреля по 20 июня 2003 года было незаконным и что он стал объектом дискриминационного отношения по причине этнического происхождения. Он ссылаясь на статьи 5 и 14 Конвенции.

83. Принимая во внимание все материалы, которые находились в распоряжении Суда, и насколько это относится к его компетенции, Суд считает, что нет доказательств в связи с нарушением прав и свобод, изложенных в Конвенции или Протоколах к ней. Поэтому эта часть жалобы должна быть отклонена как явно необоснованная по Статье 35 § 3 (а) и 4 Конвенции.

VI. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

84. Статья 41 Конвенции устанавливает:

"Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

A. Компенсация ущерба

85. Заявитель потребовал компенсации морального ущерба в размере 120 000 евро.

86. Правительство посчитал требуемую сумму чрезмерной.

87. Суд отмечает, что он нашел комплекс серьезных нарушений в данном деле: заявитель подвергался пыткам во время содержания под стражей в милиции, расследование по его жалобам на жестокое обращение было неэффективным, уголовное разбирательство против него было проведено несправедливо. При таких обстоятельствах, суд считает, что страдания и мучения заявителя не могут быть компенсированы одним лишь фактом признания нарушения. Тем не менее, суд считает требуемую сумму чрезмерной. Оценив справедливость требований и с учетом степени тяжести жестокого обращения, Суд присудил заявителю 45 000 евро в качестве компенсации морального ущерба плюс любой налог, который может быть взыскан с этой суммы.

В. Издержки и расходы

88. Заявитель также потребовал компенсировать 6 629 евро понесенных издержек и расходов при подаче жалобы в Суд. В частности, он потребовал 5 925 евро за подготовку юридических документов его представителями, которые потратили 41,4 часа на написание жалобы и 704,74 евро за административные расходы, услуги переводчика и курьерской почтовой службы. Он представил счет на 7,494 рубля за услуги переводчика и квитанцию на 2,712.82 рубля за услуги DHL.

89. Правительство не сделало комментариев в связи с этим.

90. Учитывая прецедентную практику, Суд отмечает, что заявитель имеет право на возмещение расходов и издержек только в той мере, насколько они действительно имели место, были необходимыми и являлись разумными. В данном случае, принимая во внимание имеющиеся на рассмотрении Суда документы и вышеуказанные критерии, он считает разумным присудить 2 260 евро в качестве компенсации понесенных расходов и издержек плюс любой налог, который может быть взыскан с этой суммы, и эта компенсация должна быть перечислена на счет банка представителей в Нидерландах, указанный заявителем.

D. Выплата процентов

91. Суд считает, что сумма процентов должна рассчитываться на основе предельной процентной ставки Европейского центрального банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

ПО ИЗЛОЖЕННЫМ МОТИВАМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Признает* жалобы, касающиеся предполагаемого жестокого обращения с заявителем в заключении, последовавшего расследования, а также несправедливости судебного разбирательства в отношении него приемлемыми, а остальные части жалобы – неприемлемыми;
2. *Постанавливает*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в ее материальном аспекте в связи с утверждениями заявителя о жестоком обращении в заключении;
3. *Постанавливает*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в ее процессуальном аспекте в связи с непроведением властями эффективного расследования утверждений заявителя о жестоком обращении в заключении;
4. *Постанавливает*, что нет необходимости рассматривать жалобу по статье 13 Конвенции;

5. *Постанавливает*, что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с несправедливостью судебного разбирательства в отношении заявителя;
6. *Постанавливает*, что государство не нарушило своих обязательств по статье 34 Конвенции;
7. *Постанавливает*,
 - (a) что государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления настоящего постановления в силу согласно п. 2 ст. 44 Конвенции выплатить заявителю следующие суммы в российских рублях по курсу на дату исполнения постановления:
 - (i) 45,000 евро (сорок пять тысяч евро) в качестве компенсации морального вреда, а также любой налог, который может быть применен к данной сумме;
 - (ii) 2,260 евро (две тысячи двести шестьдесят евро), а также любой налог, который может быть применен к данной сумме, в качестве компенсации издержек и расходов, для перечисления «Правовой Инициативе по России» на банковский счет в Нидерландах;
 - (b) что по истечении вышеуказанных трех месяцев и до момента расчета простой процент должен выплачиваться на вышеуказанные суммы по ставке равной ставке кредитования займов Европейского центрального банка в течение периода неуплаты плюс три процента.
8. *Отклоняет* остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Выполнено на английском языке и опубликовано в письменном виде 11 декабря 2012 г. согласно Правилу 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Андре Вампах
Заместитель секретаря

Изабель Берро-Лефевр
Председатель